

В. Михневич

Язвы Петербурга

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 93
ББК 63.3
В11

В11 **В. Михневич**
Язвы Петербурга / В. Михневич – М.: Книга по Требованию, 2021. – 582 с.

ISBN 978-5-458-10408-1

Исторические этюды русской жизни. Том 3. Язвы Петербурга. Опыт историко-статистического исследования нравственности столичного населения.

ISBN 978-5-458-10408-1

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2021

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2021

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение.

I. Диагноз современной русской действительности	III
II. Задачи этой книги	XXII

Часть I-я.

Статистика нужды, недовольства и нравственной порчи.

I. «Городъ пышный, городъ бѣдный»	1
II. Общая сумма «подати преступленію» и ея повѣрка	20
III. Бродяги, нищіе и безпаспортные	36
IV. Виды и разновидности петербургскаго нищенства .	57
V. Жертвы общественнаго темперамента	83
VI. Скорбныя цифры	101

Часть 2-я.

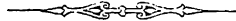
Миръ Преступленій.

I. Уголовная статистика	119
II. Убіиства случайныя и непредназначенныя	137
III. Убіиства по разсчету	155
VI. Честныя убійцы	184
V. Воры	208
VI. Грабители и карманники	234
VII. Обманъ, мошенничество и растрата	269
VIII. Нарушенія общественнаго порядка и личныя оскорбленія	298
IX. Святотатства, поджоги, изнасилованія и поддѣлка денегъ	323
X. Дѣти-преступники.	336

Часть 3-я.

Картины нравовъ.

I. Семейный разбродъ	351
II. Семейныя драмы	370
III. Родители и дѣти .	395
IV. Внѣзаконная любовь .	415
У. Пьянство народное	438
IV. Жертвы Вакху въ культурной средѣ	456
VI. Легкая нажива	474
VII. Эксплоатація глупости и порока .	496
IX. Литературный шантажъ . .	515
X. Жертвы скуки и отчаянія.	534

ВВЕДЕНИЕ.

I.

Діагнозъ современной русской дѣйствительности.

Въ современномъ настроеніи русской «внутренней политики», русской мысли и русскаго общественнаго мнѣнія съ особенной рельефностью проступаетъ одна яркая характеристическая полоса, а именно: изъ всѣхъ сферъ и предметовъ вѣдѣнія и практики наиболѣе острый и живой интересъ отдается у насъ вопросамъ и явленіямъ общественной нравственности.

Положимъ, люди вездѣ и во всѣ времена интересовались болѣе всего своими собственными правами и явленіями своего соціальнаго устройства и быта, тѣмъ не менѣе, по нѣкоторымъ даннымъ, мы имѣемъ основаніе заключить, что русское общество никогда еще, кажется, не было такъ озабочено состояніемъ своей нравственности или, говоря термномъ соціологовъ—состояніемъ «*миѣны* своего общественнаго союза», какъ въ наши дни. Это можно видѣть на каждомъ шагѣ, въ многочисленныхъ примѣрахъ. Забота и интересъ по отношенію къ соціально-нравственной области рѣшительно охватили все и всѣхъ, хотя и выражаются въ крайне разнообразныхъ, взаимно-сталкивающихся направленіяхъ и формахъ.

Съ высоты Престола, съ амвона церковнаго проповѣдника, съ трибуны прокурора, съ кафедръ профессора и публичнаго лектора, въ административныхъ «программахъ», циркулярахъ и мѣропріятіяхъ, въ общественныхъ «совѣщаніяхъ», въ руководствѣ системой народнаго образованія, въ енигахъ, журналахъ и газетахъ, — словомъ, повсюду идетъ оживленная, тревожно-обличительная и охранительная агитація около распатанныхъ, повидимому, основъ индивидуальной, семейной и общественной нравственности и права. Въ этомъ сходятся всѣ наши «партіи», всѣ «направленія», литературныя и политическія, отъ крайнихъ «консерваторовъ» до крайнихъ «либераловъ» и даже «анархистовъ», которые тоже, вѣдь, пропагандируютъ и дѣйствуютъ во имя нравственнаго идеала, только по своему понятю.

Всего нагляднѣе выражается преобладаніе этого всезахватывающаго настроенія, конечно, въ литературѣ и журналистикѣ. Возьмемъ, напр., ежедневныя газеты. Въ каждомъ ихъ листкѣ самое видное мѣсто занимаютъ нынѣ нескончаемые отрицательные факты и аномаліи нашихъ семейныхъ и общественныхъ нравовъ, наряду съ ихъ «освѣщеніемъ», констатированіемъ ихъ источниковъ и указаніемъ на мѣры къ ихъ искорененію. Въ этихъ фактахъ и аномаліяхъ—«злоба» каждаго дня, въ нихъ подзадоривающій интересъ каждаго печатнаго листа, каждой устной бесѣды. Газета считается «неинтересной», если въ ея ежедневномъ меню не преподносится благосклоннымъ читателямъ какойнибудь, болѣе или менѣе крупный криминаль, какойнибудь скандалъ или «происшествіе», приправленные пикантнымъ соусомъ.

Смѣшно сказать, пришло къ тому, что самое слово фактъ стало означать на газетномъ языкѣ какъ бы синонимъ законарушенія или скандала. Ежели «фактъ», то читатель непременно ждетъ—либо ктонибудь провинился, либо кому

нибудь на боек скулу своротили въ пріятельской бесѣдѣ, либо когонибудь прирѣзали, либо ктонибудь самъ себя пулю всадилъ въ лобъ въ припадѣхъ меланхолии,—вообще, чтонибудь въ подобномъ хищническомъ и членовредительномъ родѣ. И чѣмъ крикливѣе и возмутительнѣе такіе «факты», тѣмъ острѣе возбуждаемый ими интересъ публики, тѣмъ оживленнѣе по поводу ихъ толки, тѣмъ бойчѣе расходятся тѣ газеты, въ которыхъ они описаны съ возможно-большей обстоятельностью. Являются попытки—и весьма нерѣдко—эксплоатировать эту алчность общественнаго любопытства къ картинамъ человѣческаго паденія, человѣческой порочности и злобы. Выработался особый родъ протокольной литературы, специализирующей картинное, циничское, до послѣдней нитки разоблачающее изображеніе разнаго рода преступленій, скандаловъ, семейныхъ драмъ и романовъ, съ фотографическими портретами ихъ героевъ и дѣйствующихъ лицъ.

За газетами втягиваются въ ту-же колею «толстые» и тонкіе журналы, каждый, конечно, съ своей точки зрѣнія и съ большей или меньшей степенью серьезности и брезгливости.

Поэты, романисты, драматурги, сатирики, критики, публицисты и ученые изслѣдователи всѣхъ безъ различія лагерей одинаково посвящаютъ нынѣ свои перья главнымъ образомъ социальнымъ болѣзнямъ и нарушеніямъ въ общественномъ организмѣ, а также типичнымъ отступленіямъ и искаженіямъ характера современнаго человѣка и гражданина. Въ беллетристическихъ произведеніяхъ всякаго рода фигурируютъ на первомъ планѣ отрицательные типы: казнокрады, спекулянты, кулаки и міроѣды, банкюкраты и банкюкраты, карьеристы, «червонные валеты», развратники, падшія женщины и т. д., включительно до «гражданъ ретиранныхъ мѣстъ», по саркастическому опредѣленію г. Щедрина. Съ другой стороны, въ работахъ публицистическихъ и социологическихъ, въ изслѣдо-

ваніяхъ современнаго юридическаго и экономическаго быта, общественная мысль опять таки сосредоточивается главнымъ образомъ на болѣзненныхъ явленіяхъ и симптомахъ разложевія, глубоко развѣдающихъ, будто-бы, организмъ нашего общества въ самыхъ его основахъ и учрежденіяхъ. «Никогда,— говоритъ одинъ проницательный наблюдатель,— не было потрачено столько усилій на разъясненіе принциповъ собственности, семейственности и государственности, никогда съ такою настойчивостью, съ такими угрозами не было говорено о необходимости огражденія этихъ принциповъ».

Если это такъ, то—естественно—эта боязнь, эта забота объ «огражденіи» выходятъ изъ основанія, что указанные принципы поколеблены, что ихъ авторитету грозитъ опасность. Словомъ, во всей литературѣ стоитъ какой-то стонъ отчаянья, какая-то мрачная хандра—хандра повальная и признаваемая даже обязательной для каждаго граждански-мыслящаго человека, потому что нечему радоваться, и радость въ наши дни просто постыдна, по мнѣнію одного критика-публициста. Всѣ органы періодической прессы за послѣднее время, писатели всѣхъ направленій и оттѣнковъ, отъ Некрасова и Щедрина до Каткова и кн. Мещерскаго единодушно сходились въ отрицательномъ отношеніи къ современной русской дѣйствительности. Для всѣхъ нашъ вѣкъ—вѣкъ глубокой порчи, русское общество представляетъ печальное зрѣлище разложенія, упадка моральнаго и умственнаго, жизненной импотенціи и апатіи; русскій современный человекъ—«живоглотъ»: вотъ его настоящій терминъ, по опредѣленію нѣкотораго «охранительнаго» органа. Моралисты всѣхъ лагерей приходятъ въ ужасъ отъ какой-то эпидеміи кражъ, грабежей и всякаго рода «хищений»—и не столько тѣхъ, которыя не уходятъ отъ возмездія правосудія, сколько—совершаемыхъ съ несравненно большею наглостью, въ оболочкѣ права и законности, «подъ ви-

домъ честныхъ спекуляцій», какъ выразился поэтъ. Имъ кажется—и они это часто повторяютъ,—что никогда еще русское общество не выбрасывало изъ себя такую массу завѣдомыхъ и маскированныхъ хищниковъ, преступниковъ и негодяевъ, что никогда еще у насъ, какъ замѣтилъ одинъ публицистъ, «нравственное слабоуміе» и «нравственная одичалость» не доходили до такой чудовищной степени.

«Наше общество живетъ ложью и неправдой во всемъ—въ коммерціи и въ дружбѣ, въ службѣ и въ воспитаніи дѣтей», говоритъ другой публицистъ изъ другаго лагеря.

«Наше общество—читаемъ у третьяго—поклоняется силѣ, идея права чужда ему; идея права — это *gaга avis* въ мірѣ, для большинства—это вполне *terra incognita*. Вотъ почему у насъ и воруютъ. Есть всѣ побудительныя причины красть: жажда почести, богатства, силы, роскоши, и—ничего, что бы удерживало отъ кражи: ни прочныхъ идеаловъ, ни системы нравственности, ни карающаго общественнаго мнѣнія»...

«Общество обратилось въ прахъ!—гремить съ кафедръ, словами Ройе-Коллара, извѣстный профессоръ-публицистъ. — Намъ остаются воспоминанія, сожалѣнія, утопіи, безумства и отчаянье»... И затѣмъ на вопросъ: «какъ мы живемъ?» — отвѣчаетъ: «Мы сходимъ съ ума, мы топимся и стрѣляемся, мы попросту складываемъ руки, превращаясь въ живыхъ мертвецовъ. Не настало ли время оглянуться на себя и провѣрить хоть часть своихъ пороковъ и предрасудковъ»?.. Главную причину того, что мы превратились въ «живыхъ мертвецовъ», что въ наши дни процвѣтаютъ торгашество, темныя банковыя операціи, синекуры въ желѣзнодорожныхъ и кредитныхъ учрежденіяхъ, и что въ результатѣ, вмѣсто трудовой личности, общество вырабатываетъ типъ хищника, — ораторъ видитъ въ «отсутствіи нравственнаго содержанія» въ современномъ обществѣ, въ «забвеніи имъ идеаловъ».

«Характеристическое явление нашего времени,—отзывается на тот-же вопросъ распространенная газета,—это именно мелочность, недоразумѣнія, раздуваемые въ серьезные столкновения, яростная полемика изъ-за выѣденнаго яйца, хаотическое смѣшеніе голосовъ и потребностей, легкомысленное сомнѣніе и еще болѣе легкомысленное отношеніе къ первѣйшимъ интересамъ государственной жизни. Отсюда хапанье однихъ и бездѣйствіе другихъ, отсюда смѣшеніе понятій не только о нравственности, но о добрѣ и злѣ, отсюда предпочтеніе личнаго интереса государственному и общественному, отсюда что-то затхлое, отличающееся противной посредственностью, чѣмъ-то въ родѣ полудѣла, полумѣры, полухарактера; но все это вмѣстѣ порождаетъ вредныя шатанія, вредную апатію всюду»...

«Поврежденіе нравовъ,—съ своей обычной язвительностью бичуетъ наше время маститый сатирикъ, — усложнилось поврежденіемъ умовъ». Вдругъ все понятія спутались, старыя подпорки, на которыхъ созидалась семейная и общественная нравственность рухнули; открылось широкое, просторное раздолье для разнузданныхъ похотей стяжанія, распутства и безумія. Выдвинулось «порожденіе новыхъ вѣяній времени изъ укромныхъ уголковъ, въ которыхъ оно скрывалось, и—предстала на судъ публики цѣлый рядъ существъ, изнемогающихъ подъ бременемъ праздности и пьяной тоски, живущихъ со дня на день, лишенныхъ всякой устойчивости для борьбы съ жизнью и не признающихъ иныхъ жизненныхъ задачъ, кромѣ удовлетворенія вождельній минуты»... Закралась неясность въ понятія о различіи между чужимъ и своимъ. Начались кражи вездѣ, и отъ нихъ ничто не спасаетъ: ни коллегіальные порядки, ни контроль, ни замки... Всюду вопль: «унесли!» — и «червонный валець» созрѣлъ, отшлифовался и выработался окончательно.